

за пятилѣтнюю свою службу ни разу не пользовался лѣтнимъ отдыхомъ.

Въ заключеніе всего г. представитель отъ города вручилъ С. А. пакетъ съ 2000 рублей, ассигнованныхъ городскимъ управленіемъ на учрежденіе при училищѣ стипендіи имени С. А. Морозова.

По закрытіи собранія было предложено всѣмъ присутствующимъ сдѣлать осмотръ новаго зданія училища, во время котораго присутствовавшій здѣсь архитекторъ - строитель дѣлалъ поясненія объ устройствѣ зданія. Нельзя не отмѣтить того впечатлѣнія, которое произвело зданіе на присутствующихъ при дальнѣйшемъ его осмотрѣ и при тѣхъ разьясненіяхъ, какія давалъ архитекторъ.

Все, до мелочей включительно, предусмотрено и согласовано какъ съ гигиеническими, такъ и съ педагогическими требованіями. Все выдержано въ строгомъ стилѣ, который не бросается въ глаза какой-либо вычурностью, а наоборотъ поражаетъ своей простотой линій и въ то же время красотой. Въ особенности красивы вестибюль и актовый залъ.

Послѣ осмотра всѣмъ гостямъ былъ предложенъ чай и фрунты.

Торжество закончилось въ одиннадцатомъ часу ночи.

Нельзя не отмѣтить того страннаго обстоятельства, что въ чествованіи культурно-благотворительной дѣятельности С. А. Морозова не приняло участія богородское уѣздное земство, хотя созданныя С. А. гимназія и реальное училище въ очень значительной степени обслуживаютъ нужду въ среднемъ образованіи и уѣзда. Это можно объяснить развѣ только тѣмъ, что „земскіе“ дѣятели типа г. Киселя-Загорянскаго (предсѣдатель богородской уѣздной земской управы, онъ же уѣздный предводитель дворянства) вообще косо смотрятъ на распространеніе образованія, особенно средняго, среди демократическихъ слоевъ населенія. Недаромъ одинъ видный представитель администраціи выражалъ недовольство, что С. А. Морозовъ выстроилъ гимназію и реальное училище, когда у города нѣтъ еще больницы и моста черезъ Клязьму, какъ будто это обязанность частныхъ лицъ, а не города, земства и правительства, и какъ будто жертвователю можно диктовать со стороны назначеніе его пожертвованій.

„Колоколь“ и миланскій эдиктъ.

Есть на Руси газета „Колоколь“. Ужасная газета. Ея наши читатели не знаютъ. И хорошо... Мы не рекомендуемъ ее знать. Газета эта, какъ она сама увѣряетъ, „служитъ защитѣ православія“. Но что это за служба православію? И какому православію?.. Вѣдь подъ именемъ православія разумѣется вѣра христіанская православная, а эта вѣра, какъ извѣстно, вѣра любви, милосердія и всепрощенія. Газета же эта помѣшалась на черной нена-

висти ко всему живущему на землѣ и потому вѣчно наполнена словами травли ко всему инакомыслящему, окрещенному ею, какъ ей очевидно кажется, позорнымъ именемъ „жидо-масонства“. Словомъ „жидо-масонство“, какъ бисеромъ, разсыпаннымъ по полу, испещрены столбцы этой газеты. По ея, очевидно, затуманенному маніей преслѣдованія разсудку, все кругомъ превратилось въ „жидо-масонство“ и воинственно идетъ на пагубу всего міра, а наипаче на гибель этой газеты. Въ этой маніи „жидо-масонства“ газета дошла, что называется, до Геркулесовыхъ столбовъ и не задумалась потому выкрестить и насъ старообрядцевъ въ „жидо-масоновъ“. Какимъ образомъ, съ какой стороны мы оказались роднею жидо-масонству, додуматься нѣтъ возможности, но у нея это просто: разъ мы не думаемъ, какъ думаетъ она, ну и жидо-масоны!

Вся русская печать (даже черная) возмущается выступленіями этой газеты противъ всего свѣтлаго, благороднаго. Вся печать съ рѣзкостью обличаетъ ее—въ ея челоуѣконенавистническихъ чувствахъ. А ей—хоть бы что! Да что ей русская печать: вѣдь это же не русская печать, а „жидо-масонская“!..

И вотъ эта-то челоуѣконенавистническая газета, оказывается, также празднуетъ торжество 1600-лѣтія миланскаго эдикта. Миланскій эдиктъ—это указъ равноапостольнаго царя Константина, изданный въ городѣ Медиоланѣ (нынѣ Миланѣ) въ 313 году, объявлявшій свободу вѣры для христіанъ.

До этого указа христіанство было гонимо, какъ религія вредная государству, нетерпимая. А съ момента изданія этого указа она стала свободною къ исповѣданію и равноправною во всѣхъ отношеніяхъ съ другими религіями страны. Она не дѣлалась господствующею, а лишь равноправною, т.-е. она заняла то самое мѣсто, которое причитается всякой религіи въ странѣ, гдѣ вѣра другого уважается. Царь Константинъ, проникнутый ученіемъ христіанства, хорошо понялъ, что: „Идѣже Духъ Господень—ту свобода“, и потому объявилъ эту свободы вѣры и для христіанъ, хотя самъ и оставался долго язычникомъ.

Вотъ это-то всемірно-христіанское торжество и празднуетъ „Колоколъ“, ибо онъ считаетъ себя также принадлежащимъ къ той самой религіи, которую такъ ужасно гнали 312 лѣтъ и которая получила въ 313 году великій даръ свободы вѣры. Эта свобода вѣры и для него оказывается: *великій даръ и великая радость*. Въ № 2219 онъ помѣстилъ большую передовицу, посвященную этому событію, съ прекрасными, чувствительными даже словами о тяжести, несправедливости гоненій и благѣ свободы вѣры.

По этому поводу многія газеты, не выдержавъ себя отъ отзыва на это яркое лицемѣріе газеты „Колоколъ“, откликнулись такого рода статьями:

„Да... Событіе исключительной важности.

Наконецъ-то объявлена полная и дѣйствительная вѣротерпимость.

Всякій можетъ свободно исповѣдывать свою вѣру, и это не влечетъ за собой никакихъ послѣдствій, никакихъ ограниченій въ правахъ, не вноситъ никакихъ измѣненій въ отношенія государства къ субъекту...

— Позвольте, а какъ же г. Скворцовъ и его сторонники?

— О, они въ восторгѣ, они торжественно празднуютъ это событіе, а „Колоколъ“ бьетъ въ литавры и торжествуетъ побѣду...

— Что за небылицы, что за сказки?

— Не небылицы, не сказки, а фактъ. Внесу только маленькую поправку. Событіе это произошло тысяча шестьсотъ лѣтъ тому назадъ. Объявленіе дѣйствительной вѣротерпимости сдѣлано въ Миланѣ въ 313 году, когда христіане и прочіе иновѣрцы объявлены равноправными съ представителями господствовавшей тогда государственной языческой религіи.

Правда, христіане уже черезъ нѣсколько лѣтъ настолько забыли, какое благо представляетъ дарованная имъ вѣротерпимость, что изъ гонимыхъ очень быстро превратились въ гонителей и, наконецъ, дошли до инквизиціи, но все-таки день объявленія вѣротерпимости считается великимъ праздникомъ.

Но въ миланскомъ эдиктѣ говорится о христіанствѣ лишь, какъ объ особо преслѣдовавшемся тогда вѣроученіи, вѣротерпимость же провозглашена вообще, по отношенію ко всякому вѣрованію...

— Не опасно ли въ такомъ случаѣ въ наши дни и печатать полностью текстъ миланскаго эдикта?

— Въ тѣхъ странахъ, гдѣ вѣротерпимость давно стала фактомъ и вошла въ жизненный укладъ, въ этомъ нѣтъ никакой надобности, а тамъ, гдѣ вѣротерпимости нѣтъ и гдѣ слова миланскаго эдикта получаютъ слишкомъ злободневный характеръ, вызывая неизбежныя ассоціаціи и параллели, тамъ... тоже неопасно. Вѣдь 1600 лѣтъ—историческая дистанція огромнаго размѣра, съ тѣхъ поръ много воды утекло и мною крови пролито... Притомъ, люди скворцовскаго типа легко вѣдь придають и вѣротерпимости нужный имъ „готентотскій“ характеръ:

— *Вѣротерпимость хороша и полезна, когда она касается меня. Вѣротерпимость вредна и недопустима, когда она касается иныхъ вѣрованій.*

Да, вѣротерпимость безопасна, когда она обрѣтается за далью вѣковъ...”

Это пишется въ газетѣ „Современное Слово“. Но мы такого типа отзывы встрѣчали во многихъ, многихъ газетахъ. Т. е. я хочу сказать, что это наглое лицемѣріе „Колокола“ невольно всѣмъ бросилось въ глаза и его не преминули отмѣтить.

Да и какъ не отмѣтить: вѣдь та логика готентота, которою руководится газета „Колоколъ“, болѣе чѣмъ возмутительна. Разсужденіе готентота (дикаря изъ глубины Африки) извѣстно: „Кого я убью, ограблю, это добро, а кто меня убьетъ, ограбитъ, это зло“. Это разсужденіе немыслимо для культурнаго европейца, хотя бы язычника, а не то что христіанина, ну, а для „Колокола“ оно какъ разъ по мѣркѣ. Онъ радуется, что 1600 лѣтъ

назадъ христіанство дождалось вѣротерпимости, торжествуетъ эту побѣду христіанства, а самъ преисполненъ призывами ко всевозможнымъ притѣсненіямъ инакомыслящихъ. Его издатель—вдохновитель, В. М. Скворцовъ, почти постоянно въ разъѣздахъ по разслѣдованіямъ „разной вредности“ всевозможныхъ, даже мнимыхъ сектантовъ. Недавно засудили „братцевъ“ во Владимірѣ, слѣлавъ ихъ „хлыстами“, съ монахами на Аѳонѣ расправились мѣрами далеко не христіанскими, какъ и съ инокентьевщиной; сектанты дѣйствительные съ часу на часъ все больше и больше сжимаются тисками всякихъ ограниченій; да и у насъ о старообрядцевъ все больше и больше отнимаютъ тѣ свободы, которыя намъ дарованы *Высочайше*, а не кѣмъ-нибудь. За время съ 1905 г.—рѣдкій изъ нашихъ священниковъ не состоялъ подъ судомъ и не осужденъ. И всѣ эти притѣсненія — вдохновляются колокольными, не признающими права мнѣнія другихъ, а признающими свободу вѣры за собою только. Они не исповѣдуютъ словъ апостола: „Идѣже Духъ Господень—ту свобода“, имъ достолюбезны слова противника Господа: „Гнѣвъ—постигну“... Какая печаль! Неужели — христіанство можетъ руководиться этимъ принципомъ?

Несомнѣнно, нѣтъ,—это не возвышаетъ, а позоритъ христіанство. Слѣдовательно, если „колокольные“ ратуютъ за православіе, христіанство, то пусть они отрекутся отъ принциповъ челоѣконенавистничества и проповѣдуютъ свободу исповѣданія для всѣхъ. Христіанство отъ этого не потеряетъ, а выиграетъ. А если они останутся съ принципами готтентота, то пусть и не празднуютъ дня изданія миланскаго эдикта. Тогда хоть будетъ послѣдовательность.

Н. Зенинъ.

НЕ ЛОЖЬ, А ПРАВДА.

Горько становится, кагда читаешь неправду. И есть же такіе люди, которые стараются скрыть то, что обнаруживаетъ недостатки.

Предо мной № 8 журнала „Старообрядческая Мысль“. Читаю письмо въ редакцію: „...Когда читаешь ж. „Старообрядческая Мысль“, надѣешься, что выслушаешь истину, а здѣсь оказывается нелѣпая ложь“... Боже! съ какой развязной смѣлостью г. Федосовъ выразился о журналѣ „Старообрядческая Мысль“. Читатель, въ первый разъ взявшій прочесть этотъ журналъ, невольно воскликнетъ: „Здѣсь, навѣрно, только нелѣпая ложь!“ Читаю сейчасъ же въ № 5 журнала „Старообрядческая Мысль“ о станицѣ Есауловской. Я, какъ знакомый съ этой мѣстностью, не нахожу въ статьѣ ничего неправильнаго. Наоборотъ—голая истина. На мой вопросъ одно лицо изъ мѣстнаго есауловскаго начальства увѣрило, что станица Есауловская состоитъ безусловно почти наполовину изъ старообрядцевъ. Кому тогда вѣрить! Я безусловно вѣрю послѣднему лицу, а не г. Федосову. Читаю дальше: „Желая вывести изъ тоски Никифора Дмитріевича